

18+

Наталья Асильханова

Крестная мать

часть первая

Наталья Асильханова

Крестная мать. Часть первая

«Издательские решения»

Асильханова Н.

Крестная мать. Часть первая / Н. Асильханова — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Италия, 1940-е годы. Война разлучает влюблённых:
Алессия, совсем юная девушка, провожает на фронт дорогого ей человека,
не зная, увидятся ли они снова. Ей предстоит пройти через предательство,
потерю близких и встречу с теми, кто станет её новой семьёй. Но главное —
дождаться того, кто однажды пообещал вернуться.

© Асильханова Н.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	17
Глава третья	20
Глава четвертая	26
Глава пятая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Крестная мать

Часть первая

Наталья Асильханова

© Наталья Асильханова, 2026

ISBN 978-5-0071-2288-7 (т. 1)

ISBN 978-5-0071-2287-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Сицилия 1940 года — остров, будто застывший между вечностью и тревогой, между древним солнцем и надвигающейся тенью войны. Утро начиналось медленно. Свет поднимался из моря — густой, золотистый, словно его выливали на землю из огромного кувшина.

Рыбаки уже возвращались в гавани: их лодки скрипели, пахли солью, водорослями и свежей рыбой. Мужчины говорили негромко, больше жестами, чем словами, — остров жил в ритме, который не менялся веками, несмотря на новости с материка. Деревни цеплялись за склоны холмов, как стаи белых птиц. Каменные дома, выцветшие от солнца, держали прохладу внутри; ставни были полуоткрыты, чтобы впустить ветер с моря. Узкие улочки изгибались без всякого плана — они росли, как корни деревьев, следуя памяти поколений. На балконах висело бельё, колыхаясь, будто флаги тихой повседневной жизни.

Архитектура Сицилии была разговором эпох: арабские арки соседствовали с строгими нормандскими башнями, барочные фасады украшались ангелами, потемневшими от времени. Церкви стояли в центре каждого города — массивные, прохладные, пахнущие воском и камнем. Их колокола звучали медленно и тяжело, будто напоминая людям о неизменности судьбы.

Природа острова казалась щедрой и суровой одновременно. Земля была красноватой, сухой, но плодородной — виноградники тянулись по склонам, оливковые деревья стояли скрюченными старцами, пережившими империи. Цитрусовые сады источали сладкий аромат, смешивавшийся с запахом пыли и горячего камня. Где-то вдали всегда виднелась гора.

Люди жили просто. Женщины носили корзины с хлебом и овощами, обсуждали соседей и цены на муку. Дети бегали босиком по площадям, играя среди древних колонн, не задумываясь о времени. Старики сидели в тени, наблюдая за миром с терпением тех, кто видел слишком многое, чтобы спешить. Но в 1940 году в воздухе уже чувствовалось напряжение. Радио в кафе шипело новостями, мужчины спорили о войне, о политике, о будущем. Молодые смотрели на форму с тревожной гордостью — она обещала путь прочь с острова, но никто не знал, вернутся ли они обратно.

И всё же Сицилия оставалась собой: островом медленного света, древних камней и человеческого тепла. Даже когда мир ускорялся и рушился, здесь казалось, что время движется иначе — словно история проходит мимо, оставляя на берегу только шум волн и запах лимонов под вечерним небом.

Девушка быстрым шагом направлялась к гавани. На ней была широкая юбка цвета спелого граната — добротный хлопок, ткань простая, но удивительно ей идущая. По темно-алому полю там и тут были рассыпаны мелкие полевые цветы — васильки, ромашки, какие-то неведомые травы, — выцветшие после многих стирок, но оттого ставшие еще трогательнее. Юбка мягко колыхалась от малейшего движения, скрывая колени и ниспадая почти до самой щиколотки, открытой над простыми сандалиями. Белая рубашка с длинными рукавами, скромно застегнутая у самого горла, была из тонкого полотна, быть может, когда-то принадлежавшего ее матери, — потерянная, но ослепительно чистая, выстиранная в реке и выбеленная солнцем. Она лишь подчеркивала жаркую, пламенную красоту ее волос. Голова была покрыта малиновой косынкой из тонкого хлопка с мелкими белыми горошинками, повязанной по-летнему легко, чуть набок, — такие продавались на любом деревенском рынке. Но косынка не могла и не пыталась удержать то богатство, что рвалось наружу. Из-под дешевого ситца выбивались и спадали на плечи тяжелые, живые локоны цвета червонного золота — того самого, драгоценного, с рыжеватым, глубоким отливом. Они струились по спине, закрывая ее почти целиком, достигая талии и спускаясь ниже, касаясь края юбки, когда девушка делала шаг. А когда она поднимала взгляд, мир вокруг словно замирал. Глаза ее были под стать волосам — редкого, золотого с поволокой оттенка, с влажным блеском, в котором тонул свет. В них было что-то

древнее, чуть печальное и в то же время живое, как пламя свечи на ветру. Она была до того хороша собой и юна, что, глядя на нее, хотелось не говорить, а только смотреть и запоминать каждую черточку, каждую искорку в этих удивительных золотых глазах. В ее облике не было ничего купленного — только то, что создано природой, выращено на этой земле и согрето итальянским солнцем.

Мошечные улочки спускались к морю, и с каждым ее шагом сердце билось все сильнее, все отчаяннее. Она почти бежала туда, где в гавани теснились рыбацкие лодки, и грудь переполняло сладкой болью — там, в этом тесном мире парусов и снастей, был *он*. Радость встречи и горечь близкой разлуки смешались в ней, потому что где-то за горизонтом уже полыхали зарницы войны.

Вдруг она замерла. Вот он. Ее Джованни. Высокий, широкоплечий, он стоял на фоне утреннего неба, и солнце золотило его профиль. Кожа его была темна от загара, прокаленная южным солнцем и морскими ветрами, отчего глаза казались еще светлее и ярче. Ветер трепал его иссиня-черные волосы — смоляные, с синим отливом, как глубокая вода в бухте. Самый родной, самый любимый, единственный на свете.

— Джованни... Джованни...

Она шептала его имя, прижимая ладони к груди, будто пыталась удержать сердце, готовое выпрыгнуть наружу.

— Алессия!

Он бежал к ней, не разбирая дороги, и мир исчез. Растворился в звоне колоколов где-то вдали, в криках чаек, в шорохе волн. Остались только они двое. Он и она. Двое молодых, двое любящих, двое, вцепившихся друг в друга так, будто завтра уже не наступит.

Она спрятала лицо у него на груди, и горячие слезы потекли по щекам.

— Мне так страшно, — выдохнула она, комкая в кулаке его рубашку. — Я боюсь, что потеряю тебя.

— Тише, тише, — гладил он ее по спине. — Почему ты меня потеряешь?

Она отстранилась, посмотрела на него в упор — золотые глаза, мокрые, блестящие, полные отчаяния.

— Джованни, разве ты не понимаешь? — голос ее сорвался на шепот. — Все только и говорят о войне. Много молодых людей уходит каждый день. А завтра могут призвать тебя.

Он взял ее лицо в ладони, стер слезы большими пальцами, заглянул в самую душу.

— Алессия, — сказал он мягко, но твердо. — Но когда это еще будет? У нас еще много времени. Война далеко. Слышишь? Далеко.

Она хотела возразить, хотела крикнуть, что война уже здесь, в тревожных взглядах матерей, ... но не стала. Не захотела. Не сейчас.

Он взял ее за руку, сжал крепко, до легкой боли.

— Пойдем, дорогая.

Алессия прижалась к его груди, слушая, как бьется его сердце.

— Давай сегодня весь день будем вместе, — прошептала она в его рубашку. — Весь день. До самой ночи. Никуда не отпущу.

Он улыбнулся, поцеловал ее в висок, в уголок губ.

— Весь день, — согласился он. — И вечер. И всю ночь.

Она подняла на него глаза — уже чуть спокойнее, чуть светлее. Но вдруг нахмурилась, вспомнив что-то важное.

— Джованни... а вдруг отец будет меня искать? — голос ее дрогнул. — Если он вернется раньше времени и не застанет меня дома...

В глазах юноши что-то вспыхнуло. Злой огонек, который она видела лишь раз или два, когда речь заходила о ее семье.

— Не будет, — отрезал он жестче, чем хотел. — Твой отец целыми днями пропадает в кабаках. Ему нет дела до того, где ты и с кем.

— Джованни! — она отстранилась, посмотрела на него с укором. — Он мой отец.

— Да, отец, — кивнул Джованни, но взгляд его остался тяжелым. — Отец. Но плохой отец, Алессия. Ты сама это знаешь. Вспомни, когда он последний раз заботился о тебе, покупал что-то?

Алессия вздрогнула, будто от пощечины. Она опустила глаза, и длинные ресницы дрожали.

— Он... — начала она, но Джованни не дал ей договорить.

— Он не разрешает тебе принимать подарки от меня, — продолжил он, и голос его зазвучал от горечи. — Я хочу тебя хоть немного порадовать, хочу видеть улыбку на твоём лице, а ему плевать. Ему плевать, что ты ходишь в одном и том же.

— Джованни, не надо... — прошептала она, отводя глаза.

— Надо, — он взял ее за подбородок, заставил посмотреть на себя. — Вот сейчас же мы пойдем на рынок, к старым рядам, и будем выбирать тебе все, что захочешь. Слышишь? Все.

— Что ты, Джованни... — выдохнула она, качая головой.

— Я серьезно, — глаза его горели. — Там, у синьоры Розы, есть отличные ленты — шелковые, не то, что эти ситцевые тряпки. И платки. И ткани. Я видел на прошлой неделе — отрез хлопковый, в мелкий цветочек, как раз бы тебе к лицу. Мы купим, и ты сошьешь себе новое платье. Сама сошьешь или попросишь синьору Эмилию, она возьмет недорого.

Алессия смотрела на него своими удивительными глазами — в них плескались тревога и страх.

— Джованни... отец выгонит меня из дома, если узнает, что мы вместе ходим по рынку, — прошептала она еле слышно. — Ты же знаешь. Он запретил мне даже видиться с тобой. А если кто из соседей увидит, расскажет...

Джованни стиснул зубы. Жилка на его скуле дернулась. А потом он вдруг шагнул вперед и прижал ее к себе так крепко, что она едва могла дышать.

— Давай сбежим, Алессия, — выдохнул он ей в волосы, и голос его дрожал — от отчаяния, от надежды, от любви. — Сбежим отсюда. Подальше от твоего отца. Подальше от войны. Подальше от всего этого города.

Она замерла в его объятиях, боялась пошевелиться, боялась дышать.

— Куда? — прошептала она наконец.

— Куда угодно, — ответил он, не отпуская ее. — В Геную. В Неаполь. К морю, подальше в деревню, где никого нет. Туда, где нас никто не разлучит. Где я смогу просыпаться и видеть твои глаза каждое утро.

Она молчала. Только сердце ее колотилось где-то в горле, гулко, отчаянно, и слезы снова катились по щекам — но теперь это были другие слезы.

— Я... я боюсь, — прошептала она.

— Я знаю, — он отстранился чуть-чуть, заглянул в ее золотые, мокрые глаза. — Я тоже боюсь. Но вместе мы справимся. Неужели ты хочешь всю жизнь прятаться и бояться собственного отца?

Где-то вдалеке крикнула чайка. Волны лениво лизали берег. И время словно остановилось, давая им шанс решить свою судьбу.

Он смотрел на неё — на эти золотые волосы, выбивающиеся из-под малиновой косынки, на тонкие пальцы, которыми она теребила край юбки, на глаза, в которых всё ещё блестели невысохшие слёзы, — и сердце его разрывалось. От любви. От нежности и тревоги.

Если меня не будет, что с ней будет?

Мысль эта жгла сильнее, чем солёный ветер, хлеставший по лицу в открытом море.

Он знал, что будет. Её отец, этот пьяница и злобный человек, который давно пропил всё, что можно было пропить. Он сгноил её мать — добрую, тихую женщину, которую в городке все любили за порядочность и щедрость. Она таяла на глазах год за годом, пока не угасла совсем, как свеча на сквозняке. Алеся тогда была ещё девочкой, но всё помнила. Всё.

И теперь Джованни смотрел на неё и видел — она совсем не похожа на отца. Добрая и такая незащитная перед этим миром, полным жестокости.

— Ты голодна, Алессия? — спросил он тихо.

Она подняла на него глаза и тут же отвела в сторону. Щёки её вспыхнули румянцем. Ей было неловко, стыдно признаться, что она не ела со вчерашнего дня.

Но Джованни и так понял. Он всё понимал без слов. Она часто оставалась голодной — отец пропивал всё, что мог.

— Пойдём, — сказал он решительно и взял её за руку. — Сходим в trattoria. Тут недалеко, на тихой улочке.

— Что ты, Джованни! — испугалась она. — Нельзя. Увидят же...

— Не бойся, — улыбнулся он. — Нас никто не увидит. Там хозяин — мой друг. Тихое место.

Она колебалась лишь мгновение. Джованни решительно взял её за руку и повёл через узкие улочки, мимо домов со ставнями, закрытыми от полуденного солнца, мимо кошек, лениво греющихся на каменных ступенях. И чем дальше они уходили от гавани, тем спокойнее становилось у неё на душе.

Траттория называлась «У Мариуччи» и пряталась в самом конце тупика, увитая диким виноградом так, что со стороны и не разглядишь. Внутри было прохладно, пахло травами и оливковым маслом, и ни одной живой души, кроме самого хозяина — старого Марио, который кивнул Джованни как старому знакомому и молча указал на дальний столик в углу.

Здесь было действительно тихо и уютно. Сквозь кружевные занавески сочился мягкий свет, на столе лежала простая холщовая скатерть, а в углу тикали старые часы с маятником.

Джованни усадил Алессию, сам сел напротив и принялся заказывать. Он говорил быстро, уверенно, и блюда появлялись одно за другим: паста с морепродуктами, жареная рыба, овощи на гриле, свежий хлеб, сыр, оливки, а на сладкое — кростата с вишней.

— Джованни! — ахнула Алессия, глядя на стол, который буквально ломился от еды. — Куда столько? Мы это за неделю не съедим!

Он откинулся на спинку стула и громко и открыто рассмеялся громко.

— Не-а, — сказал он, качая головой. — Ты не представляешь, как я голоден! Я готов съесть целого быка!

Она смотрела на него и не могла сдержать улыбку.

— Ну, давай, — пододвинул он к ней тарелку с пастой. — Ешь и не смей отказываться. Это приказ.

— С каких это пор ты мне приказываешь? — прищурилась она, но послушно взяла вилку.

— С тех самых, — серьёзно ответил он, глядя ей в глаза. — С тех самых, как решил, что не дам тебя в обиду.

У неё защипало в глазах. Она быстро опустила голову, делая вид, что очень занята едой, чтобы он не заметил новых слёз.

Но он заметил. Он всегда всё замечал. И от этого на душе у неё становилось тепло и страшно одновременно. Сам он сидел и не притрагивался к еде. Он просто смотрел на нее.

Бедная моя девочка, думал он, и сердце его сжималось от боли и нежности. Когда ты ела в последний раз по-настоящему? Он смотрел на неё и видел всё: и синяк под рукавом, который она так тщательно прятала, и худобу, которую не могла скрыть широкая одежда.

Больше никогда, — решил он твёрдо. — Никогда больше не отпущу тебя к этому тирану.

Мысли его летели быстрее ветра. Сегодня же он заберёт её. Прямо сейчас, когда они выйдут отсюда, они пойдут к Якову. Он всегда помогал. У него есть комната на чердаке. Там можно переждать. А завтра... завтра они пойдут к священнику.

Дон Паскуале — добрый человек, он знал её мать, поймет и согласится обвенчать их тайно, без шума. А когда всё свершится, когда она станет его женой, никто не заберет ее у меня.

— Джованни? — голос Алессии вырвал его из раздумий.

Она смотрела на него с тревогой, вилка замерла в руке, в золотых глазах — вопрос и лёгкий испуг.

— Ты чего? Не ешь совсем. Всё в порядке?

Он моргнул, возвращаясь в реальность, и улыбнулся — той самой улыбкой, от которой у неё всегда таяло сердце.

— Что? А... извини, задумался.

— О чём? — спросила она тихо.

Он протянул руку через стол и накрыл её ладонь своей.

— О нас, — ответил он просто. — О том, что завтра всё изменится.

— Что ты задумал, Джованни?

— Ешь, — мягко сказал он. — Сначала ешь. А потом поговорим.

День пролетел как одно мгновение. А ночь — ещё быстрее.

Они лежали в тесной комнатке на чердаке у Якова, прижавшись друг к другу, как малые дети, потерявшиеся в огромном мире. Тонкие лучи луны пробивались сквозь щели в ставнях, рисовали на полу серебристые дорожки. Они молчали. Каждый думал о своём, и у каждого на сердце было и тревожно, и радостно. Тревожно — потому что за стенами этого убежища их ждала неизвестность. Радостно — потому что они были вместе. Потому что его рука обнимала её плечи, потому что её дыхание согревало его грудь, потому что в этой тесной камерке поместилось всё их счастье.

Алессия не помнила, как уснула. Просто закрыла глаза в его объятиях, а открыла их уже при свете утра — и рядом было пусто.

Она села на узкой кровати, кутаясь в простыню. Сердце тревожно забилося.

— Джованни? — позвала тихо, но никто не ответил.

Наспех одевшись и пригладив волосы, она спустилась вниз по скрипучей лестнице.

И увидела его. Джованни стоял посреди комнаты, а в руках держал бумажные кульки и несколько коробок, перевязанных бечёвкой.

— Джованни? — голос её дрогнул. — Что случилось?

Он вздрогнул, обернулся, и на лице его мелькнуло что-то похожее на вину. Но он тут же взял себя в руки, шагнул к ней и попытался улыбнуться.

— Ничего, — сказал он слишком бодро. — Я купил тебе обновки. Давай позавтракаем, а потом ты переоденешься. И мы пойдём в церковь.

— В церковь? — переспросила она

— Да, — кивнул он, и глаза его наконец-то потеплели, отпуская тревогу. — Сегодня мы будем с тобой муж и жена. Дон Паскуале согласился нас обвенчать.

— Как? Когда? — выдохнула она.

— Я ходил к нему рано утром, — ответил Джованни, ставя коробки на пол и подходя к ней. Он заглянул в её золотые глаза. — Он помнит твою мать, поэтому согласился. Сегодня в полдень, в маленькой часовне у моря. Там никого не будет. Только мы, он и Господь.

— Молодые люди! Вы совсем позабыли обо меня.

В дверях появился Яков, он улыбался во весь рот, в руках у него были изумительной красоты цветы, которые он вручил Алессии со словами:

— Это вам, прекрасная леди! Вы ведь сегодня невеста.

Яков подошел к Джованни, обнял его:

— Счастья тебе, парень! Ты имеешь огромное сокровище. Береги её.

Быстро перекусив, они переоделись.

Она стояла у окна, и утренний свет, пробиваясь сквозь кружевные занавески, золотил ее фигуру. На ней было белое платье — шелковое, с неглубоким вырезом на груди, простого, но удивительно изящного покроя. Волосы, эти тяжелые волны червонного золота, были зачесаны назад и убраны в высокий хвост, перевязанный розовой лентой. Только несколько непокорных локонов, как всегда, выбились и спадали у висков, делая ее образ трогательным и живым. На ногах — белые туфельки с небольшим каблукчиком, скромные, но такие нарядные.

Она услышала шаги и обернулась.

— Алессия... — выдохнул Джованни, замерев на пороге.

Он вышел к ней навстречу и остановился, не в силах отвести взгляд. Таким заворуженным она видела его впервые.

— Я никогда не видел тебя такой, — произнес он тихо, с благоговением. — До чего ты красива... Просто как сказочная принцесса.

Он смотрел на нее, и на миг забылись все печали о войне, о скорой разлуке. Только она существовала сейчас в этом мире. Его будущая жена.

— Не могу отвести взгляд, — добавил он, качая головой и улыбаясь, — ты затмила все звезды на небе.

— Джо... какой же ты, — смущенно улыбнулась она, опуская глаза, но тут же снова подняла их, чтобы смотреть на него.

А он был очень хорош собой. Белая рубашка удивительно шла к его смуглой, загорелой коже, подчеркивая ширину плеч и статью. Черные волосы, обычно непослушные, треплемые ветром, сегодня были аккуратно зачесаны назад. Черные брюки и голубой галстук с тонкой черной полоской делали его элегантным и взрослым, а глаза — синие-синие, как море в ясный день, — сияли так, что в них можно было утонуть.

Он подошел к ней вплотную.

— Закрой глаза, — попросил тихо.

Она послушно закрыла.

Он достал из кармана коробочку, открыл ее и надел на нее бусы. Белый жемчуг лег на ее шею прохладной тяжестью. Ему пришлось поторговаться этим утром на рынке, чтобы купить их, но сейчас, глядя на нее, он понял: оно того стоило. Тысячу раз стоило.

Он взял ее за плечи, подвел к старому зеркалу в тяжелой деревянной раме.

— Открывай, — шепнул он ей на ухо.

Алессия открыла глаза и ахнула. Из зеркала на нее смотрела она сама — но будто бы другая. Незнакомая девушка в белом шелке, с жемчужной нитью на шее, с сияющими глазами и легким румянцем на щеках.

— Как красиво... — прошептала она, поднося пальцы к бусам.

Она потрогала их, провела по гладким прохладным жемчужинам, потом покружилась перед зеркалом, и платье взметнулось легкой волной. А потом подошла к Джованни и прижалась к его груди, пряча лицо.

Он обнял ее и поцеловал в макушку.

— Ну что, нам пора, — сказал он тихо, но твердо. Взял ее за руку. — Пойдем.

Они вышли из дома Якова. Сам Яков уже ждал их у калитки — верный друг, свидетель и почти что брат. Он улыбнулся, увидев их, подмигнул Джованни и молча зашагал следом.

Церковь стояла у самого моря, старая, сложенная из серого камня, обветренная солеными ветрами. Когда они вошли внутрь, там было тихо и прохладно. Пахло ладаном, старым деревом и свечами. Солнце пробивалось сквозь витражи, разноцветными бликами ложилось на каменный пол.

В церкви никого не было. Только они, Яков и дон Паскуале — старый священник с добрыми глазами, который крестил когда-то мать Алессии.

Церемония была тихой, скромной, но от этого еще более трогательной. Он надел кольцо на ее тонкий палец. Она — на его. И они поцеловались под сводами старой церкви, и море за стенами шумело им в такт.

После церемонии они отправились в ту самую трактирию, где были вчера, — к Мариучче. Отметить свою свадьбу в скромной компании. Стол накрыли в маленьком отдельном зале, и старая синьора Мария, узнав, что они только что обвенчались, прослезилась и принесла им бутылку своего лучшего вина, припасенного для особого случая.

Яков поднял первый тост:

— За молодых! За то, чтобы война обошла вас стороной. За любовь. За счастье. За то, чтобы у вас было много детей и внуков.

Они чокнулись, и Алессия поймала себя на мысли, что даже не верит до конца в происходящее. Слишком много счастья для одного дня. Слишком много света после стольких лет темноты.

Джованни смотрел на нее и не знал, что делать. Сердце разрывалось на части. Как ему сказать? Как найти слова, чтобы сообщить, что война, о которой они говорили как о чем-то далеком, уже стоит на пороге и стучится в дверь? Боже, дай мне сил, — думал он, глядя на ее сияющее лицо.

Вдруг шальная мысль пришла ему в голову. А может... сбежать? Прямо сейчас, ночью, сесть на рыбацкую лодку и уйти в море, а там — куда глаза глядят.

Но он тут же отогнал эту мысль. Если поймают — расстреляют как дезертира. И ее подвергнет опасности. Всю жизнь скрываться, прятаться, бежать? Что это за жизнь для нее? Что же делать? Он смотрел на нее и молчал. Просто уйти, не сказав ни слова? Уйти на рассвете, пока она спит? Нет. Она не простит ему этого никогда.

Вечер приближался неумолимо. Время, которое всегда так медленно текло, сейчас летело, как обезумевшая лошадь, и остановить его было невозможно.

Они покинули трактирию. Синьора Мария расцеловала Алессию в обе щеки, сунула ей в руки узелок с еще теплым печеньем и бутылку хорошего вина, приговаривая, что молодым надо силы беречь и счастье свое не упускать.

— Пойдем к морю, — сказала Алессия, беря его под руку и прижимаясь к плечу.

— Пойдем, — ответил он, и в груди почувствовалось облегчение.

Лучше там, чем на тесном чердаке. Морской воздух поможет ему собраться с мыслями. Волны заглушат его печальные слова, если голос сорвется. Они шли вдоль берега, и закатное солнце золотило воду, превращая ее в расплавленное золото. Чайки кричали где-то далеко, и ветер играл ее волосами, развеивал подол белого платья.

Джованни остановился. Не мог больше молчать. Обнял ее, прижал к себе так крепко, будто боялся, что она исчезнет, растворится в этом золотом закате.

— Алессия, — выдохнул он в ее волосы. — Ты знаешь... я очень сильно тебя люблю.

Она замерла в его объятиях. А потом отстранилась чуть-чуть, подняла на него свои золотые глаза — и в них уже не было той беззаботной радости, что сияла минуту назад. Только тихая, горькая мудрость.

— Джо, — сказала она тихо, и голос ее дрогнул. — Я уже знаю. Тебе пришла повестка, — это был не вопрос. Она знала. Алессия горестно всхлипнула, вцепившись в его рубашку. — Я не отпущу тебя. Я умру без тебя. Слышишь? Умру.

От переживаний у нее кружилась голова. Ей казалось, что мир вот-вот рухнет, рассыплется на куски, как старая штукатурка, и не останется ничего — только эта боль, только эта минута, только этот проклятый закат, который догорал где-то за горизонтом.

— Алессия, успокойся, — он гладил ее по голове, по волосам, по плечам, а у самого сердце колотилось так, что не хватало воздуха. — Я же вернусь. Умоляю тебя, слышишь? Я вернусь. Это ненадолго.

Она отстранилась, посмотрела на него безумными, лихорадочно блестящими глазами. И вдруг схватила за руку, потянула куда-то в сторону от моря.

— Джо, давай сбежим! — выдохнула она. — Прямо сейчас. Сядем на поезд, уедем, куда глаза глядят. В горы, в деревню, — куда угодно! Никто нас не найдет!

Он смотрел на нее и чувствовал, как внутри все обрывается.

— Это невозможно, Алессия, ты понимаешь? Невозможно.

— Почему? — в глазах ее металась надежда. — Почему?

— Меня арестуют как дезертира, — ответил он, беря ее лицо в ладони. — В первую же неделю. Мы не можем всю жизнь скрываться, как преступники. Это не жизнь. Ты заслуживаешь не такой жизни.

— Но если мы уедем далеко... — начала она.

— Даже если, — перебил он мягко. — Даже если мы уедем. Война все равно доберется. Она везде, Алессия. Нет такого места, куда можно спрятаться.

Она замерла, глядя на него пустыми глазами.

— Когда ты уезжаешь? — спросила она тихо, почти беззвучно.

Он помолчал, сглотнул ком в горле.

— Завтра рано утром.

Она стояла притихшая, и слезы уже не текли по щекам. Только глаза — сухие, страшные, тоскливые — смотрели куда-то сквозь него, в пустоту.

— Алессия? — позвал он с тревогой. — Ты слышишь меня?

Она медленно подняла на него глаза.

— Алессия, послушай меня, — он взял ее за плечи, чуть встряхнул. — Это важно.

— Для меня нет ничего важнее тебя, — ответила она, и голос ее звучал ровно.

Она высвободилась из его рук и пошла медленно по песчаному берегу. Просто пошла — брела, словно во сне, не разбирая дороги, не замечая, что волны набегают на ее белые туфельки, что подол платья намокает от соленой воды.

Джованни смотрел ей вслед и не знал, что делать. Руки дрожали, в голове было пусто и страшно.

— Боже, — выдохнул он, сжимая кулаки. — Боже, что мне делать? Что мне делать? Он зажмурился, стиснул зубы так, что скулы свело. — Проклятье... Проклятая война!

А потом открыл глаза и рванул за ней.

— Алессия!

Он догнал ее, схватил за руку, развернул к себе.

— Остановись! — выдохнул он ей в лицо, тяжело дыша. — Посмотри на меня! Я не умер же! Я жив! Месяц? Два? Сколько потребуются — мы переждем! А пока... пока мы должны многое обсудить с тобой. Ты слышишь? Много.

Она смотрела на него, и в глазах ее понемногу возвращалась жизнь. Больная, надломленная, но жизнь.

— Что обсуждать? — прошептала она.

— Всё, — ответил он, прижимая ее к себе. — Где ты будешь жить. Как я буду тебе писать. Всё. Мы всё решим вместе.

Она уткнулась лицом ему в грудь и замерла. Море шумело рядом, и закат почти погас, оставляя их в серых сумерках вдвоем.

Когда они вернулись на чердак к Якову, уже совсем стемнело. Джованни зажег керосиновую лампу, поставил ее на шаткий столик и повернулся к Алессии.

— Садись. Нам нужно поговорить. Выслушай меня внимательно.

Она послушно опустилась на край кровати, сцепив руки на коленях. Джованни присел рядом, потом встал, подошел к матрасу, запустил руку под него и достал два конверта.

— Алессия, — заговорил он спокойно, но в голосе его чувствовалось напряжение, — ты должна запомнить всё, что я скажу. Каждое слово.

Она смотрела на него и слушала, но мысли путались. Вместо слов она пыталась запомнить каждую черточку его лица: разрез синих глаз, изгиб бровей, ямочку на подбородке, шрам на левой скуле — еще мальчишкой упал со скалы. Почему-то ей казалось, что увидятся они очень нескоро. Так нескоро, что от этой мысли она переставала существовать. Душа словно покидала тело и уносилась куда-то далеко, где не было ни боли, ни страха.

— Алессия, — голос Джованни прорвался сквозь пелену. — Ты слышишь меня?

Она моргнула, возвращаясь.

— Да, — ответила тихо. — Да, я слышу тебя, Джованни.

— Здесь два конверта, — он показал их ей. — В одном — деньги. В другом — письмо. Завтра ты отправишься в Катанию, к моему дяде. Он порядочный человек, добрый. Отдашь ему это письмо — он всё поймет.

В глазах Алессии вспыхнул испуг.

— Как я доберусь туда? — выдохнула она. — Я никогда не была так далеко. Я не знаю...

— Знаю, знаю, — перебил он мягко, садясь рядом и беря ее за руки. — Алессия, ты сядешь на паром. Я обо всем позаботился. Яков поможет тебе — он проведет тебя на пристань.

Он достал из кармана сложенный листок, развернул его.

— Вот адрес, — показал он. — Найдешь этот дом. Дядя Франческо, улица Виа Траппето, семнадцать. Запомнила?

— Виа Траппето, семнадцать, — послушно повторила она.

— Все будет хорошо, милая, — он погладил ее по щеке. — Ничего не бойся.

Он протянул ей один из конвертов — тот, что с деньгами.

— Здесь на первое время. Дядя поможет устроиться. Я буду писать тебе на его адрес. Каждую неделю. Обещаю.

Она смотрела на конверт в руке и не могла поверить, что он все продумал. Все до мелочей.

Джованни нагнулся, заглянул под кровать и вытащил небольшой чемоданчик — потертый, но крепкий. Поставил его перед ней, открыл.

— Это тебе, — сказал он тихо. — Посмотри. Здесь всё необходимое. Одежда... может, не очень красивая, зато теплая и удобная. Тебе пригодится. Я спросил у синьоры Марии, она собрала.

Алессия смотрела на аккуратно сложенные вещи: простая шерстяная кофта, смена белья, теплые чулки, плотная юбка темно-синего цвета, платок потолще. И сверху — маленькое зеркальце в потертой оправе и деревянный гребешок.

— Когда ты все успел? — прошептала она, и слезы хлынули из глаз. — Когда?

— Неважно, — он улыбнулся, смахивая слезу с ее щеки. — Успел. Это главное.

Она прижалась к нему, пряча мокрое лицо.

— Давай спустимся, — сказал он после долгого молчания. — Выпьем вина, которое дала синьора Мария. Посидим немного. А потом... потом поспим.

— Джованни, — прошептала она. — Я не могу. Я боюсь засыпать. Ведь когда проснусь — не увижу тебя так долго. Так страшно долго.

Он ничего не ответил. Они пролежали всю ночь обнявшись на узкой кровати, прижавшись друг к другу. Каждый думал о своем, и у каждого на душе было тяжело. Каждый молился про себя, чтобы утро не наступило. Чтобы время остановилось и эта ночь длилась вечно.

Но утро наступило.

Где-то внизу заскрипели половицы. Свет уже начал пробиваться сквозь щели в ставнях, тонкими полосками ложился на пол, на одеяло, на их бледные лица. Было слышно, как Яков поднимается по лестнице — каждая ступенька скрипела под его тяжелыми шагами. И с каждым скрипом, с каждым приближающимся шагом сердце сжималось все сильнее.

Тук-тук-тук. В дверь постучали.

— Джованни, — позвал Яков тихо. — Джованни.

— Я слышу, Яков, — отозвался Джованни, и голос его сел.

За дверью помолчали.

— Пора, — сказал Яков тяжело. — Время не ждет. Я приготовил завтрак. Спускайтесь.

Он постоял еще немного за дверью, а потом шаги заскрипели вниз.

— Джованни... — Алессия как безумная вцепилась в него, впилась пальцами в рубашку, прижалась всем телом.

И зарыдала навзрыд, как ребенок, у которого отнимают самое дорогое. Волосы ее растрепались, упали на лицо спутанными прядями, лицо побледнело, осунулось за одну ночь, под глазами залегли тени.

— Алессия, не надо. Успокойся, любимая, успокойся. Я быстро вернусь. Очень быстро. А потом... потом надоем тебе так за всю жизнь, что ты сама будешь меня прогонять. Будешь кричать: «Уходи, Джованни, отдохнуть от тебя хочу!».

Он говорил, говорил, даже сам не понимая что. Просто нужно было говорить, чтобы успокоить ее. Чтобы успокоить себя. Чтобы заполнить эту страшную тишину словами, пустыми, ненужными, лишь бы не молчать.

И она успокоилась.

Просто перестала плакать. Подняла на него глаза — красные, опухшие, но уже сухие — и посмотрела долгим, пронзительным взглядом.

— Я провожу тебя, — сказала она. — Мой муж.

Собрались наскоро. От еды отказались — кусок в горло не лез. Яков очень ругался, ворчал, что молодые совсем ума лишились, что на голодный желудок в такую дорогу нельзя. И рассерженно сунул Джованни в руки узелок:

— В дорогу! Голодному на войну нельзя, понял? Не смей отказываться!

Потом они втроем шли к вокзалу. Городок уже просыпался, но на улицах было тихо. А на вокзале — шумно. Люди, солдаты, женщины, дети. Паровозы пыхтели, выбрасывая клубы белого пара, носильщики тащили чемоданы, где-то плакали женщины, прижимая платки к лицам, дети бегали, с интересом разглядывая солдат в форме.

Алессия прижалась к Джованни и молча шла рядом, держась за его руку.

— Яков, — Джованни остановился, не доходя до перрона. — Проводи ее. Дальше нельзя. Здесь многолюдно, мало ли...

— Не беспокойся, — Яков положил руку ему на плечо. — Я позабочусь о ней, как о сестре. Обещаю.

Они обнялись — крепко, хлопнув друг друга по спине, и Яков отошел в сторону, отвернувшись, давая им проститься.

— Алессия... — Джованни повернулся к ней.

— Не уезжай, Джованни, — сказала она тихо, одними губами. — Не покидай меня.

— Я никогда тебя не покину, Алессия, — ответил он, и голос его сорвался. — Никогда. Ты моя жена. Ты моя жизнь.

Он поцеловал ее в последний раз — долго, отчаянно, будто впитывая в себя ее губы, ее дыхание, ее тепло. А потом разжал руки, разорвал объятия и пошел к поезду, не оглядываясь. Потому что знал: если оглянется — не уйдет. Останется.

Она стояла и смотрела ему вслед. Смотрела, как он садится в вагон, как поезд дергается, лязгает, трогается, пока последний вагон не скрылся за поворотом.

Яков подошел тихо, тронул за плечо.

— Пойдем, Алессия. Пойдем домой.

Она не обернулась.

— Это не дом, — сказала она тихо. — Дом там, где он.

Глава вторая

Стефано с трудом разлепил глаза. Голова гудела, будто в ней звенел соборный колокол, и каждый удар отдавался в висках пульсирующей болью. Во рту — привкус горечи, дешевого вина и собственной никчемности.

— Ой, боже, — простонал он, опуская ноги с кровати на холодный пол. — Как же хочется пить...

Он попытался встать, но пол ушел из-под ног, качнулся, поплыл. Пришлось снова опуститься на продавленный матрас, переждать, пока мир перестанет вращаться.

— Алессия! — заорал он своим пропитым, грубым голосом, от которого, казалось, дрожали стены. — Алессия!

Тишина.

В доме было пусто. Только часы на стене внизу тикали монотонно, отсчитывая секунды его похмельного существования.

— Дрянь! — заорал он громче. — Где ты шляешься, потаскуха?! Подай воды отцу!

Снова тишина. Ни шороха, ни шагов.

Стефано сплюнул на пол, выругался длинно и грязно, с трудом поднялся и, держась за стены, поплелся на кухню. Ноги заплетались, в голове гудело, но жажда была сильнее боли.

На кухне он зачерпнул воды из ведра — жадно, давясь, проливая на рубаху, выпил ковш, зачерпнул второй и вылил себе на голову. Холодная вода обожгла, на миг привела в чувство. Он тряхнул мокрой головой, отбрасывая прилипшие ко лбу сальные пряди.

— Алессия! — снова позвал он, но уже тише, потому что от крика голова раскалывалась сильнее. — Алессия! Ну погоди... доберусь — убью. Потаскуха.

Он побрел наверх, туда, где была комната дочери. Лестница скрипела под его тяжелыми шагами, жаловалась на каждый шаг.

Дверь была приоткрыта. Он толкнул ее, вошел.

Комната выглядела убого и бедно. До того бедно, что даже его, привыкшего ко всему, на миг кольнуло что-то похожее на стыд. Но только на миг.

Вместо кровати — старые доски, застеленные тощим матрасом, набитым, кажется, сеном. Поверх — потертое покрывало, когда-то бывшее синим, а теперь выцветшее до неопределенного серо-голубого цвета. Маленькая подушка в протертой наволочке — перья так и лезут из дырок. Но, несмотря на нищету, кровать была опрятно заправлена, покрывало расправлено, подушка взбита.

На маленьком окошке висела ситцевая занавеска — давно уже выцветшая, и аметистово-розовые цветы на ней были едва заметны, словно призраки прошлой жизни. Рядом с кроватью стоял круглый стол с керосиновой лампой, а по другую сторону — тумбочка с небольшим зеркалом в простой деревянной раме.

Никаких девичьих безделушек. Ни флакончиков, ни лент, ни открыток. Ни ковров, ни ваз, ни картин. Серая комната, пустая и холодная. Комната, в которой жила его дочь.

Когда-то здесь было по-другому.

Стефано остановился на пороге, и вдруг память, которую он годами заливал вином, поднялась откуда-то изнутри и ударила под дых.

Он вспомнил эту комнату другой: светлой и уютной. На стенах висели картины — недорогие, но милые, которые Элени выбирала с такой любовью. На полу лежал пушистый ковер, у окна стоял удобный диван, обитый светлой тканью, а на тумбочке — красивые часы в деревянном корпусе, с боем, подарок от ее матери.

Давно это было. Очень давно.

Стефано вынес из дома всё. Всё, что можно было продать или обменять на выпивку. Сначала вещи, потом мебель, потом ковры, потом посуду. Всё ушло в кабак. Всё превратилось в этот проклятый вкус горечи во рту, в эту боль в голове, в эту пустоту в доме.

Элени пыталась помешать ему. Помнил он и это. Как она стояла в дверях, загораживая комод, кричала, плакала, умоляла. А он... он бил ее. Бил, чтобы замолчала, чтобы не мешала, чтобы не смотрела на него этими своими глазами — полными слез и укора.

Потом она стала сносить всё молча. Просто молчала и смотрела, как он уносит из дома последнее. Молчала, когда он продал диван, на котором они сидели вечерами. Молчала, когда исчез ковер, купленный в первый год их брака. Молчала, когда он снял со стены картину, подаренную на свадьбу. Молчала и угасала.

Она хотела уехать. Забрать дочь и уехать. Но куда?

Денег не хватало даже на билеты. Элени подрабатывала портнихой — брала заказы у соседей, шила по ночам, когда муж напивался и засыпал. У неё была швейная машинка, старенькая, но единственная ценная вещь в доме. Она копила по грошам, прятала деньги, мечтала о том дне, когда сможет сесть на паром и уплыть с дочерью куда глаза глядят. Но не успела.

Однажды, вернувшись с рынка, она не обнаружила свою машинку на месте. Пустота на столе кричала громче любых слов. Стефано сидел в углу пьяный, довольно ухмыляясь.

— Продал, — сказал он, икнув. — Всё равно не нужна тебе эта рухлядь.

Элени не стала кричать, или плакать. Она просто вышла из дома, взяла дочь за руку и пошла на пристань. У неё оставались деньги, на билеты хватило бы.

Но он догнал их.

Он бил её тогда как никогда прежде — долго, жестоко, с каким-то остервенением. Бил при дочери, не стесняясь, не останавливаясь. А потом унес её домой, как тряпичную куклу, и бросил на кровать.

После этого Элени уже не пыталась бежать. Она долго лежала, болела, таяла на глазах. А вскоре умерла. Врач сказал — сердце. Но Алессия знала: сердце разорвалось от боли.

Стефано тряхнул головой, отгоняя воспоминания. К чему это всё? Было и прошло. Элени умерла, а он жив. И хочет опять пить. И башка трещит. А дочь где-то шляется...

После смерти матери маленькую Алессию забрала к себе бабушка Патриция, мать Элени. Старушка жила на окраине городка, в маленьком домике с покосившимся крыльцом. Она-то и научила внучку портному делу.

— Шей, девочка, — говорила она, поправляя очки на носу. — Шитьё прокормит. Мужчины предадут, а иголка — никогда.

Так Алессия начала зарабатывать. Поначалу бралась за любую работу: подшить, заштопать, перешить из старого новое. Но заработанных денег катастрофически не хватало. Швейная машинка была старая, допотопная, с ножным приводом, которая скрипела и чихала. На свою машинку Алессия копила, но сумма росла медленно, а жизнь летела быстро.

Прошли года. К Патриции вернулся сын с семьей — тот самый дядя, о котором она почти ничего не знала. Домик стал тесен. Алессии пришлось вернуться домой, к отцу.

И тогда начались настоящие мучения.

Отец пил беспробудно. Пил всё, что горит, пропивая последние гроши, а когда деньги заканчивались — просто сидел злой и голодный. Ругался постоянно, орал на весь дом, не работал. Со своим скверным характером и патологической любовью к выпивке он был страшен в гневе и отвратителен в трезвости.

В один из вечеров он вернулся домой не пьяный, но злой до ужаса. Ему не удалось выпить сегодня — денег не дали даже в долг. А вдобавок его уволили с работы, последней, где его ещё терпели.

Стефано ненавидел весь мир. Ненавидел за то, что он несчастен, не осознавая, что семью уничтожил собственными руками. Что жену убил побоями. Что дочь превратил в затравлен-

ного зверька. Он видел только свою боль, свою обиду, свою никчемную жизнь, в которой виноваты были все, кроме него.

— Алессия! — заорал он, вваливаясь в дом. — Куда запропастилась, чертовка?!

Алессия сидела в этот момент в темноте, в своей комнате. Свечей у нее не было. Луна едва пробивалась сквозь мутное стекло, серебрила пыль на подоконнике. Она дрожала. Всё никак не могла привыкнуть к его ругани, грубым оскорблениям. Каждый раз сердце проваливалось в ледяную пустоту, каждый раз хотелось спрятаться, забиться в угол и стать невидимкой.

В детстве она так и делала: когда отец кричал на мать, Алессия залезала под кровать, зажмуривалась и закрывала уши руками. Ждала, когда закончится. Когда мама подойдет и скажет: «Всё хорошо, маленькая, вылезай».

Мамы больше не было. И вылезать приходилось самой.

Она встала, на негнущихся ногах вышла в коридор, спустилась вниз.

— Да, отец, — сказала она тихо, и голос её дрожал. — Я здесь.

— Ну что ты смотришь на меня?! — заорал он свирепо. — Зажги лампу, дура! И на стол накрывай! Отец с работы пришел, не видишь?!

Она молча зажгла лампу — спичка чиркнула, осветила его злое, красное лицо.

— У нас ничего нет, — ответила она тихо.

— Чего ты там мямлишь? — он шагнул к ней, навис скалой. — Отца не хочешь кормить? Это твоя благодарность? Я тебя растил, кормил, поил, а ты?!

Он подошел вплотную, так близко, что она чувствовала запах перегара, застарелого пота и немытого тела. Глаза его, налитые кровью, впились в неё с такой ненавистью, что у неё подкосились ноги.

— Отец, — сказала она громче, смелее, готовясь к удару, но стараясь говорить твердо. — У нас уже давно ничего нет, что я могла бы приготовить. Ты сам...

Он не дал договорить ей.

Удар пришелся по лицу — сильный и хлесткий. Она упала, ударилась плечом о косяк, но боли не почувствовала. Только страх заставил её действовать быстрее, чем она думала.

Воспользовавшись темнотой и тем, что он пошатнулся от собственного замаха, она вскочила и вылетела из дома.

Она бежала, не разбирая дороги. Щека горела огнем, слезы застилали глаза, а в груди не хватало воздуха. Мимо проплывали тёмные дома, спящие улицы, чёрные деревья — она ничего не замечала.

Не помня как, Алессия добралась до берега моря. Она упала на колени прямо в мокрый песок и горько зарыдала. Всё, что копилось годами, выплеснулось наружу — боль, страх, одиночество и безысходность.

Море молчало. Только волны тихо шуршали у ног, набегали и отступали. Синее, бескрайнее, равнодушное море. Она долго плакала. А потом вдруг успокоилась. Море манило своей безмятежностью. Своей глубиной и покоем.

Алессия поднялась, сделала шаг в воду. Второй, третий. Холод обжег ноги, но она не чувствовала. Волны лизали подол юбки, тяжелой, мокрой тканью обвивало колени.

— Забери меня, море, — прошептала она. — Я не хочу больше жить.

Она шла всё глубже и глубже. Ноги тонули в мокром песке, вода поднималась выше, дошла уже до пояса.

Луна светила ярко, серебра черные волны, дрожала на воде живой дорожкой. И в этом призрачном свете её золотистые волосы, распустившиеся во время бега, сияли, как нимб. Как пламя. Как последний свет в этой тёмной ночи.

— Алессия!

Утопающий в шелесте волн слышался голос за спиной.

— Алессия, стой!

Глава третья

Сознание вернулось внезапно — толчком, как удар. Алессия открыла глаза и зажмурилась от яркого света. Солнце стояло высоко, заливало комнату золотом и плясало зайчиками на стенах и потолке.

Она лежала на чужой постели, чистой, мягкой, с пахнущей травами подушкой. На тумбочке рядом стоял стакан воды, с капельками влаги на прозрачных стенках. Алессия приподнялась, осматриваясь. И вдруг поняла: на ней чужая рубашка мужского кроя.

Краска стыда залила лицо и шею, даже грудь. Она села, лихорадочно оглядываясь в поисках своего платья. Комната была аккуратной и чистой: светлые стены, деревянная мебель, на окне — вышитые занавески. Ничего лишнего, но каждая вещь на своём месте.

— Наконец-то вы пришли в себя, синьорина! — раздался за спиной грудной женский голос. — Я уже начала беспокоиться.

Алессия вздрогнула от неожиданности и резко обернулась.

В дверях стояла полная, приятная лицом женщина. Волосы её были собраны в аккуратный пучок, на висках серебрилась седина. Серые глаза смотрели на Алессию с теплом и неподдельным беспокойством. В руках женщина держала её платье, уже чистое, сухое и аккуратно сложенное.

— Вы очень напугали нас, — продолжала женщина, подходя ближе. — Ваше платье было совсем мокрое, в песке и водорослях. Я постирала его и отгладила. Одевайтесь, синьорина, и пойдёте завтракать. Уже далеко не утро, но если вы только проснулись... Ах, какая разница! Главное, что с вами всё в порядке.

— Как я сюда попала? — Алессия взяла платье из рук хозяйки, всё ещё не веря происходящему. — Где я?

— Вас нашли без чувств рыбаки на берегу, — пояснила женщина. — Ранним утром, когда выходили в море. Лежали у самой воды, волны уже набегали... Хорошо, Джованни заметил. Он и принёс вас ко мне на руках, велел позаботиться.

Алессия нахмурилась, пытаясь вспомнить. Море, холод, голос за спиной, а потом пустота. И вдруг память вернулась. Отец, пощёчина, пьяные крики, побег и море, манящее своей глубиной.

— Боже мой, — прошептала она, и лицо её побелело. — Что мне теперь делать?

Женщина увидела эту внезапную перемену, подошла ближе и мягко погладила Алессию по голове. Рука у неё была тёплой и ласковой, совсем как у мамы когда-то.

— Какие у вас чудные волосы, — сказала она тихо. — Словно золото. Как вас зовут, красавица?

— Алессия, — выдохнула девушка.

— Алессия, — повторила женщина с улыбкой. — Красивое имя. Под стать вам. Я жду вас на кухне, Алессия. Пойду накрывать стол. А вы пока можете привести себя в порядок — вон там, за ширмой, вода и полотенце.

Женщина вышла, и Алессия осталась одна. Несколько минут она просто сидела, привыкая к обстановке. Потом встала, надела своё платье, чистое и выглаженное, оно пахло теперь не страхом, а солнцем и лавандой. Алессия умылась, пригладила волосы и собрала их в пучок. Окно было приоткрыто. Солёный морской ветер врвался в комнату, шевелил занавески, принося с собой чужие голоса, крики чаек и плеск волн.

— София! София! — донёсся с улицы хриловатый и настойчивый мужской голос.

Алессия выглянула в окно. Совсем недалеко, на берегу, стояли рыбацкие лодки, сушились сети и валялись какие-то пустые ящики. У самой воды толпились мужчины — кто-то чинил снасти, кто-то смолил лодку, а кто-то просто сидел на перевёрнутом ящике и курил.

Женщина, которую звали София, вышла из дома и направилась к берегу. Это была та самая синьора, что спасла её.

— Чего тебе? — спросила София сердито, подходя ближе к толпе.

Алессия с интересом наблюдала за ними. Софии очень шла её колыхающаяся на ветру, длинная темно-синяя юбка. Она подошла к лодкам, и к ней тут же направился мужчина — рыбак, по пояс голый, босой, с загорелой до черноты спиной.

Они о чём-то заговорили, но слов было не разобрать — ветер уносил их в сторону моря.

— Скоро! Не терпится тебе! — донеслось вдруг отчётливо, и Алессия поняла, что София повысила голос.

Женщина развернулась и пошла обратно к дому. Рыбак двинулся следом, ступая босыми ногами по жёлтому песку. Он что-то говорил, пытался взять Софию за руку и приобнять, но та вдруг резко развернулась и звонко, со всей силы огрела бедолагу по щеке. Мужчина замер, потёр ушибленное место и молча смотрел вслед уходящей женщине, не делая больше попыток догнать.

Алессия, увлечённо наблюдавшая за этой сценой из окна, вдруг рассмеялась впервые за долгое время.

— Наконец-то!

Слова мягко раздались за спиной. Голос был таким неожиданным и таким... приятным, что Алессия вздрогнула и резко обернулась.

Облокотившись о дверной косяк, стоял юноша. Он улыбался, глядя на неё, и эта улыбка обнажала белоснежные зубы, делая его лицо открытым и светлым. Голос, напугавший её, был бархатистым и тёплым — самым красивым из всех голосов, что она слышала в своей жизни. Несколько секунд она заворожено смотрела на него. Высокий, стройный, смуглый от загара. Чёрные волосы чуть влажные после моря, синие-синие глаза, в которых плескалось само море. Он был хорош — до невозможности, до того, что перехватывало дыхание.

Алессия смутилась и отвела взгляд. А юноша смотрел на неё с нескрываемым восхищением. Невероятно красивая, — думал он, разглядывая ее золотистые локоны, выбившиеся из пучка, тонкие черты лица, длинные ресницы, опущенные вниз. Её волосы манили дотронуться, а глаза — заглянуть в них.

— Пойдём скорее, — сказал он, протягивая руку.

Она не заметила, как он взял её за руку и повёл. Просто пошла за ним, как зачарованная, чувствуя тепло его ладони и почему-то совсем не боясь.

На кухне уже всюю накрывали стол. София, несмотря на свою полноту, двигалась удивительно быстро, пухлые пальцы ловко расставляли тарелки, резали хлеб, раскладывали еду. За длинным деревянным столом сидели мужчины, молодые и уже седые, все загорелые и обветренные. И все как один повернули головы, когда вошла Алессия.

Она застыла под этими взглядами, чувствуя, как щёки заливают краска. Юноша, не отпуская её руки, усадил её рядом с собой, а потом обвёл взглядом мужчин.

— Смотрите в свои тарелки, — сказал он строго, но без злости.

Мужчины хмыкнули, но послушно отвели глаза и занялись едой. Вскоре они и вовсе забыли о девушке — разговор пошёл о рыбе, об уловах, о том, где сегодня лучше клюёт, какие сети ставить.

Юноша ухаживал за Алессией, подкладывал то жареных креветок, то кусок пирога, то свежий хлеб, политый оливковым маслом.

— Ешь, — говорил он. — Ты, наверное, голодна.

Алессия чувствовала себя очень неловко. Она давно отвыкла от заботы. С тех пор, как умерла мать, никто никогда не ухаживал за ней, и не смотрел с такой теплотой. Воспоминания о вчерашнем дне снова всплыли в памяти. Но обстановка не давала ей уйти в тоску. Здесь было уютно, шумно, по-своему тепло. Она быстро привыкла, и ей стало даже весело сидеть

среди этих простых рыбаков, может быть, не слишком вежливых и учтивых, но зато честных и открытых. На их лицах, высушенных солнцем и солёным ветром, читались смелость, доброта, какая-то суровая, но настоящая человечность.

Среди них сидел и тот самый рыбак, которого София огрела по лицу. Он хлебал суп, обиженно сопел и искоса поглядывал на хозяйку, но та делала вид, что не замечает этого.

Здесь было весело. Мужчины рассказывали смешные, страшные и невероятные истории из своей жизни. Как они тонули и выплывали, как рыбачили в шторм, как один раз вытащили сеть, полную не рыбы, а старых башмаков, как другой раз чуть не поймали русалку. Алессия смеялась, и от этого смеха на душе становилось легче. София довольная стояла в стороне, то и дело улыбаясь. Мужчины от души нахваливали её обед так, что она только отмахивалась, но по глазам было видно, что приятно.

Обед закончился незаметно. Мужчины стали расходиться: кто вздремнуть перед вечерним выходом, кто чинить сети, кто просто посидеть в тени. И в доме постепенно стихло.

Юноша, не отпуская Алессию всё это время, повернулся к ней.

— Пойдём прогуляемся? — предложил он тихо.

Она кивнула. София, занятая уборкой, только махнула рукой — идите, мол, идите, молодёжь. Они вышли из дома и направились к берегу. Солнце стояло высоко, море искрилось, чайки кричали где-то вдалеке. Ветер трепал волосы Алессии, выдувая из них последнюю горечь прошлой ночи.

Они шли молча, но молчание было лёгким и не тяготило.

— Как тебя зовут? — спросил юноша, останавливаясь и поворачиваясь к ней.

— Алессия, — ответила она, поднимая на него глаза.

— Красиво. А я — Джованни.

Она кивнула. Он помолчал, глядя на море, потом пристально посмотрел на неё.

— Почему ты бросилась в море, Алессия? — спросил он. — Тебя кто-то обидел?

Она вздрогнула, опустила глаза.

— Если бы не чистая случайность, ты могла утонуть, — продолжал он. — Я вышел на рассвете проверить лодку, увидел что-то светлое у воды...

Он говорил спокойно, но в голосе чувствовалось напряжение. Будто он до сих пор переживал тот момент.

— Я вытащил тебя, — добавил он. — Ты была холодная, как лёд. Я испугался сначала, думал, что ты не дышишь. Сразу отнёс тебя к Софии. Слава Богу, все обошлось.

Алессия слушала и чувствовала, как к глазам подступают слёзы. Не от горя — от чего-то другого. От того, что кто-то боролся за её жизнь и боялся за нее. Она села на мокрый песок и, сама не заметив как, рассказала этому едва знакомому юноше всю свою невеселую жизнь. И так увлеклась своим рассказом, что позабыла обо всем остальном. Она говорила и смотрела вдаль, на море. Словно ему, этому бескрайнему, синему морю, она поверяла свои печали. И оно в ответ словно притихло, слушая девушку. Даже волны успокоились, едва слышно шурша. И только чайки, летавшие над водой, иногда вскрикивали — то ли согласно кивая, то ли оплакивая ее горькую судьбу.

Джованни слушал молча. Не задавал вопросов и не перебивал. Он просто смотрел на нее и слушал, а сердце его переполнялось тоской. Он знал, что такое терять. Сначала мама, потом отец... Джованни каким-то чудом уцелел в ту страшную лихорадку, что выкосила половину городка. Его забрал дядя — добрый, заботливый человек, который заменил ему родителей. Но боль потери он помнил до сих пор.

Когда Алессия закончила свой рассказ, Джованни посмотрел на нее и спросил:

— Что ты теперь собираешься делать?

— Не знаю, — ответила Алессия просто. — Я не знаю.

— А я знаю, — ответил юноша. — Я поговорю с твоим отцом. И он больше не тронет тебя. А пока ты будешь жить здесь. Я уговорю Софию.

Он помолчал, что-то обдумывая.

— Когда я уйду в море... рыбаки — народ непредсказуемый. Тебе находиться здесь будет небезопасно. Ведь защитить тебя будет некому. София никогда не остается здесь на ночь, уходит к дочери. Хотя она может и постоять за себя, — он усмехнулся. — Но всё же.

Он посмотрел на Алессию и сжал ее холодные руки.

Она подняла на него глаза, в которых плескались тревога и боль.

— Джованни, не беспокойся обо мне. Я вернусь домой.

— Нет, — решительно отрезал он. — Ты никуда не пойдешь. Я еще пробуду здесь три дня. И перестань волноваться. А потом мы вместе пойдем к твоему отцу, и я с ним поговорю.

Он вдруг хлопнул себя по лбу.

— Эх! Я совсем забыл! София может помочь с комнатой! И тогда будет просто замечательно! А теперь пойдем. Может, ей нужна помощь. А мне нужно почистить лодки.

Эти три дня они не расставались.

Алессия помогала Софии по хозяйству, стирала, убирала. Джованни чинил вместе с рыбаками свои лодки, смолил борта, чинил сети. А ночью они сидели вдвоем на крыльце, смотрели на звезды и говорили, говорили, говорили, будто пытались наговориться на всю жизнь вперед.

София оставалась ночевать с Алессией. Джованни уверил ее, что никто не посмеет потревожить их. На третье утро он собрался. Сложил в небольшой узел хлеб, сыр, воду, и протянул Алессии несколько монет.

— Здесь совсем немного, — сказал он. — Но всё же купи себе что-нибудь из нужного.

Она хотела отказаться, но он не позволил.

— Пойдем.

Он взял ее за руку, и они направились к ее дому.

Чем ближе они подходили, тем сильнее сжималось сердце Алессии. У калитки она остановилась, крепче вцепилась в его руку.

— Он... он будет в ярости, — прошептала она

Джованни молча кивнул, сжал ее ладонь в знак поддержки и толкнул калитку. Им долго не открывали, лишь спустя пять минут за дверью послышался тяжелый шаг, сопровождаемый хриплым мужским голосом:

— Кого там черти принесли?

Дверь распахнулась. На пороге стоял мужчина, которого трудно было бы назвать старым, но бесконечное пьянство состарило его раньше времени. Голова его тряслась мелкой дрожью, в спутанных прядях густо мелькала седина. Глаза, черные, колющие и злые, смотрели настороженно. Лицо, когда-то, наверное, красивое, теперь было одутловатым. Грязная рубаша с порванным рукавом, застарелый запах пота и перегара — от него разило за версту.

Джованни сжал кулаки. Ему хотелось схватить Алессию за руку и бежать от этого человека как можно дальше. Но здравый ум остановил этот порыв. Он подумал о пьяных рыбаках, которые останутся, когда он уйдет в море. Они будут опаснее для девушки, чем этот жалкий пьяница.

Он взял всю свою волю в кулак и вежливо спросил:

— Извините. Синьор Стефано?

— Да, это я, — важно ответил тот, выступая вперед.

И тут он увидел дочь, стоящую рядом со статным юношей.

— Алессия! — заорал он. — Безобразница!

Девушка испугалась и спряталась за спину Джованни.

— Извините, синьор, — спокойно сказал Джованни. — Я понимаю ваше беспокойство о дочери. Но позвольте объяснить.

— Ну? — Стефано нахмурился, но тон юноши явно сбил его с воинственного настроя.

— Видите ли, — продолжал Джованни всё так же вежливо, — ваша дочь устроилась на работу.

— На работу? — Стефано скривился. — Эта девчонка ни черта не умеет!

— Вы ошибаетесь, — твердо сказал Джованни. — Мы своими глазами видели, как ваша дочь трудится. Она хорошо готовит, присматривает за детьми. Одна синьора взяла ее к себе. Поэтому Алессия так долго не возвращалась домой. Хозяйка совсем не хотела ее отпускать, но потом решила, что девушка должна немного отдохнуть.

— Вот как? — удивился Стефано и перевел взгляд на дочь. — Это правда?

— Да, отец, — еле слышно ответила Алессия, и щеки ее залились краской стыда от того, что пришлось солгать.

— Ну хорошо, — неожиданно миролюбиво сказал Стефано. — Заходите.

Они вошли в дом. Джованни пропустил вперед Алессию и шагнул вслед за ней.

В комнате было темно и грязно. Стоял только стол с лампой, кровать да несколько табуретов. Джованни огляделся, сердце наполнилось жалостью. Такая убогая обстановка, такая нищета... и это при живом-то отце! До чего же отвратительный тип! Как Алессия могла находиться рядом с таким негодяем?

Ему хотелось проучить этого пьяного подлеца, набить морду, вышвырнуть вон из дома. Но он сдерживался изо всех сил, понимая, что любой его неосторожный шаг обернется против Алессии. Вместо этого он протянул узелок:

— Вот. Мы беспокоились, что вы переживаете за дочь.

Стефано даже заулыбался от такой почтительности. Он быстро развернул узелок, и глаза его загорелись, когда он увидел бутылку виски.

— А ты, парень, молодец! — воскликнул он. — Понимаешь! Отец переживал!

Он подошел к Джованни и похлопал его по плечу. Джованни поморщился, до того неприятно ему было это прикосновение. Алессия стояла в стороне и молча наблюдала за происходящим.

Бедная девочка, — думал Джованни. — Настоящее животное этот ее отец. Вслух же он сказал:

— Ваша дочь побудет у нас с недельку. Синьора, у которой она работает, уезжает по делам. А когда появится, мы снова придем, если вы позволите.

Стефано уже не обращал на них внимания. Он схватил бутылку и жадно отхлебнул из горла.

— О-ох, до чего же хорошо! — выдохнул он, зажмурившись. — Виски...

Потом махнул рукой в сторону двери:

— Ну что ж... пускай моя дочь работает. Помогает отцу. Ступайте. Проводи парня.

Алессия и Джованни вышли на улицу, и только оказавшись за калиткой, девушка перевела дыхание. Джованни остановился, взял Алессию за руки и заглянул в её золотые глаза.

— Ты был невероятен, — прошептала она. — Он даже не кричал.

— Это только начало, — ответил Джованни. — Я обещаю, что он больше никогда не поднимет на тебя руку. Никогда. Когда я вернусь, я заберу тебя. Только бы София что-нибудь нам нашла. Я уже поговорил с ней. Ты можешь приходить к ней в любое время. Она тебя полюбила. София — добрая женщина.

Алессия смотрела на него, и сердце переполнялось радостью, такой светлой и чистой, какой она не испытывала уже много лет. Теперь она не одна. Теперь есть люди, которые беспокоятся о ней, которым она небезразлична. От этой мысли на душе стало тепло, словно кто-то зажег маленький огонек в темной комнате.

Она прижалась к Джованни, спрятала лицо у него на груди, слушая, как бьется его сердце. Потом подняла голову, посмотрела на него своими удивительными глазами — золотыми, с поволокой, в которых теперь, сквозь прежнюю боль, пробивался робкий свет надежды.

— Я буду ждать тебя, Джованни, — прошептала она. — Спасибо тебе.

Он поцеловал её в лоб, задержался на мгновение, вдыхая запах её волос, а потом разжал объятия и пошёл с тяжелым сердцем прочь, стараясь не оглядываться.

Эх, если бы у меня были деньги, — думал он, шагая по пустынной утренней улице. — Я бы нашел для неё небольшой домик. Хоть какой-нибудь, лишь бы подальше от этого пьяницы.

Но это были только мечты...

Глава четвертая

В поезде было шумно и душно. Вагоны третьего класса, набитые битком, тряслись на стыках рельсов. В проходах толкались мужчины, кто в гражданском, кто уже в военной форме. В тамбурах курили, сплевывая на пол, кто-то играл в карты, перебрасываясь грязными шуточками, а кто-то спал, привалившись к грязной стенке. Обсуждали войну, спорили, то и дело бранясь.

Джованни вышел в тамбур, закурил очередную сигарету, глядя на мелькающие за окном поля и виноградники. Потом вернулся в вагон и снова залез на верхнюю полку.

Он думал об Алессии, об их последнем дне, о той ночи на маленькой койке на чердаке у Якова. Он тогда не сомкнул глаз, а все лежал и смотрел, как она спит, слушал её тихое дыхание, и внутри все выворачивалось наизнанку от нежности и боли. Ему ещё многое предстояло сделать, многое уладить, а время утекало сквозь пальцы, как вода.

Он вспомнил, как погладил её по голове, по этим золотым волосам, разметавшимся по подушке.

— Спи, дорогая, — прошептал тогда.

А сам тихо встал, накрыл её одеялом и спустился вниз. Яков уже ждал его, сидя за столом, и хмуро сжимая в руках какую-то бумагу.

— Джованни, — позвал он тихо. — Я не хотел, чтобы Алессия расстроилась, — сказал он мрачно. — Эта повестка... Тебе нужно торопиться. Когда ты только вернулся с моря, какой-то мальчишка уже искал тебя.

— Я знаю, — перебил его Джованни, даже не взглянув на бумагу.

И вдруг на него навалилась такая усталость, что он опустил на табурет и сидел так несколько минут, глядя в одну точку. Потом хлопнул себя по колену, резко встал и направился к двери.

— Ты куда? — спросил Яков.

— К дону Паскуале, — бросил Джованни через плечо. — Я хочу попросить его, чтобы он завтра обвенчал нас с Алессией.

— Ты знаешь, который час? — спросил Яков.

— Знаю. Но время нет. Пока доберусь... Мне нужно увидеть дона Паскуале, пока к нему не пришли прихожане.

Джованни подошёл к умывальнику и плеснул холодной водой в лицо. Яков протянул ему полотенце.

— Пойдём вместе. Сначала выпьем чаю, а потом сходим к дону Паскуале. Вдвоём сподручнее.

Они шли молча по тихим улочкам. Рассвет только начинал пробиваться сквозь узкие проходы между домами, город ещё спал. Где-то вдалеке залаяла собака, где-то скрипнула калитка — первые звуки просыпающейся жизни.

— Мы не пойдём к церкви, — сказал Джованни. — Пойдём к нему домой. Ты знаешь, где живёт дон Паскуале?

— А чего там знать, — ответил Яков. — Рядом с церковью.

Они подошли к небольшому дому с аккуратным палисадником. Рассвет уже золотил верхушки деревьев, когда Яков постучал в окно.

— Кто там? — раздался спокойный, ровный голос из-за двери.

— Мы хотим видеть дона Паскуале, — ответил Яков.

Дверь скрипнула, и на пороге появился сам священник. Он был уже одет — в простой сутане, на груди — большой крест с распятием. Лицо его, несмотря на ранний час, было спокойным и ясным.

— Что привело вас ко мне в такую рань, молодые люди? — спросил он.

Сколько ему было лет, невозможно было угадать. Лицо бледное, с тонкими морщинами, но глаза синие, лучистые и молодые. Седая борода аккуратно подстрижена. Он смотрел на них пристально, но без осуждения, не отводя взгляда.

— Дон Паскуале... — начал было Яков, но Джованни вышел вперёд и перебил его:

— Дон Паскуале, завтра утром я уйду на войну. Времени совсем нет. Я бы хотел обвенчаться с моей невестой, Алессией. Я понимаю, что надо было прийти заранее, договориться... но так сложилось. Обвенчайте нас, прошу вас.

Священник смотрел на него внимательно, и глаза его светились добротой и интересом к этому молодому человеку. Что-то было в этом юноше такое, что сразу располагало — искренность, отчаянная решимость.

— А кто же ваша невеста? — спросил дон Паскуале, не отводя взгляда.

— Алессия. Дочь Элени и Стефано.

— Ах, да, — священник задумался, и лицо его смягчилось. — Я что-то припоминаю. Это дочь той прекрасной женщины... — он перекрестился. — Упокой, Господи, её душу. С золотыми волосами? Говорят, её дочь очень похожа на мать.

— Да, — сказал Джованни и добавил с чувством: — Хотя мне не приходилось видеть её мать, но поверьте... её дочь очень красивая. У неё золотистые волосы и глаза... такие глаза, каких я ни у кого не видел.

— Интересно, — пастырь задумался, потом кивнул. — Хорошо. Я обвенчаю вас. Приходите сегодня к одиннадцати утра.

Джованни так обрадовался, что в порыве чувств шагнул вперёд и хотел обнять священника. Яков едва успел схватить его за руку и укоризненно покачать головой, покосившись на строгого дона Паскуале.

— Спасибо, святой отец, — выдохнул Джованни, сдерживая себя. — Спасибо вам огромное.

— Ступайте с Богом, сын мой, — улыбнулся священник. — Приходите. Я буду ждать.

Первые лучи солнца золотили крыши, где-то заскрипели ставни, запели птицы. Яков хлопнул друга по плечу и направился домой, а Джованни пошёл на базар — у него были дела поважнее.

Он ходил между рядами, смотрел на товары, но не знал, как ему правильно поступить. Денег не хватало. О золотых кольцах не могло быть и речи, даже думать об этом было смешно. В ювелирный магазин он и не думал идти, там цены кусались так, что у простого рыбака голова бы закружилась.

Он направился в небольшую лавку, где продавали разную бижутерию, безделушки, и прочую мелочь. Молодой итальянец за прилавком сразу заметил его, высокого, статного парня, который мялся у входа, не решаясь войти.

— Заходите, молодой человек, — приветливо позвал продавец. — Что желаете?

Джованни переступил порог, снял кепку, нервно сжал её в руках.

— Я бы хотел... — начал он и запнулся. — Я бы хотел купить два колечка. Для себя и для... для моей будущей жены.

— Понимаю, — кивнул продавец, несколько не удивившись. В его лавку нередко заходили за обручальными кольцами. — Сейчас подберём.

Он быстро нашёл два одинаковых колечка, простых, но блестящих и аккуратных. Одно было чуть меньше. Джованни примерил одно себе на палец, оно подошло. А вот с кольцом для Алессии вышла заминка. Он совершенно не знал, какой размер нужен. Вертел колечко в руках, хмурился, не зная, что делать.

— Вот беда, — пробормотал он растерянно. — Я не знаю, какой у неё палец...

Продавец по-отечески улыбнулся.

— А вы примерьте это кольцо на свой мизинец, — посоветовал он. — Если девушка худенькая, возможно, будет великовато. Но ничего страшного — она сможет носить его на груди, как подвеску. А со временем каждая девушка превращается в женщину, набирает силу и красоту, и кольцо ей придётся в самую пору.

Джованни так и сделал. Кольцо оказалось чуть свободным на мизинце, но он решил, что продавец прав. В конце концов, времени на раздумья уже не было.

— Беру, — сказал он решительно.

Расплатившись и поблагодарив продавца, Джованни вышел из лавки. Кольца лежали в кармане, приятно грея душу, но на этом его заботы не закончились. Платье, ей нужно платье. Не может же его невеста венчаться в том, в чём ходит каждый день.

Он направился к рядам, где торговали тканью и готовой одеждой. Сердце его колотилось, он хотел выбрать для Алессии что-то особенное, что-то, что запомнится ей на всю жизнь.

Только бы хватило денег, — думал он, разглядывая прилавки. Выбрать платье ему тоже помогли. Синьора Роза, добрая женщина, торговавшая одеждой, увидела, как юноша колеблется, не зная, что выбрать для своей девушки. Она подошла к нему, участливо заглянула в глаза.

— Ты никак для невесты выбираешь? — спросила она.

— Да, синьора, — смутился Джованни. — Сегодня венчаемся. А я... я не знаю, что ей нужно.

— Не волнуйся, сынок, — улыбнулась синьора Роза. — Я помогу.

Она быстро подобрала простое, но милое платье из недорогой ткани, туфли по размеру, который она определила на глаз по описанию Джованни, сказала, что девушка примерно такого же сложения, как её племянница.

Себе он купил белую, накрахмаленную рубашку. А костюм решил взять у приятеля на день, тот был примерно одного с ним роста и согласился одолжить. Джованни сэкономил каждую лиру. Не потому, что был жаден, просто он думал об Алессии. Он решил, во что бы то ни стало, отправить её к своему дяде в Катанию. Для этого нужно было купить билет на пароход, необходимые вещи и оставить хоть какие-то деньги на первое время.

Когда он закончил с покупками, было уже девять утра.

— Боже, как быстро летит время, — пробормотал он и зашагал быстрее.

Проходя мимо рядов с украшениями, он вдруг остановился. На одном из лотков лежали жемчужные бусы. Он сразу представил их на Алессии. Как они будут лежать на её белой шее, как жемчуг будет отливать на фоне её золотистых волос...

Он подошёл к продавцу.

— Сколько стоят бусы?

Продавец лениво поднялся, подал ему бусы, они легли на ладонь Джованни прохладной тяжестью, и назвал цену. Джованни поморщился — дороговато, очень дороговато.

— Может, скинете сколько-нибудь? — спросил он с надеждой.

— Нет, — отрезал продавец. — Цена твёрдая.

Джованни сжал бусы в кулаке. Сердце колотилось где-то в горле.

— Сегодня мы с невестой венчаемся, — сказал он вдруг, глядя продавцу прямо в глаза. — Я хочу подарить ей эти бусы в знак нашей свадьбы. А завтра... завтра я уйду на войну. Будьте милосердны, синьор.

Глаза его блеснули лихорадочным блеском. Продавец долго смотрел на него, потом вздохнул и махнул рукой.

— Ну что с тобой поделать, — сказал он. — Забирай за половину. Когда вернёшься, угостишь меня виски.

— Обязательно! — выдохнул Джованни, отсчитывая деньги. — Обязательно угощу!

Он побежал — время поджимало.

Алессия проснулась от того, что солнце уже всю светило сквозь щели в ставнях. На чердаке было душно и жарко. Она потянулась рукой туда, где должен был быть Джованни, — и наткнулась на пустоту, сердце её тревожно забилося. Она села на кровати, прислушалась, снизу доносились какие-то звуки — кто-то ходил, скрипя половицами, и хлопал дверьми. Сначала она хотела спуститься, но потом подумала, что лучше подождать, когда придет Джованни.

Она легла обратно, прикрыла глаза и сама не заметила, как уснула снова. Солнце стояло уже высоко, на чердаке стало невыносимо жарко. Алессия проснулась, к ее удивлению, Джованни все так и не было. Она вскочила с постели, кое-как привела себя в порядок и быстро спустилась вниз.

Джованни стоял посреди комнаты с каким-то отсутствующим видом, о чём-то задумавшись. В руках у него были свёртки.

— Джованни? — голос её дрогнул. — Что случилось?...

Глава пятая

Девушка была напугана, ей предстояло первый раз в жизни уехать из дома и, похоже, уже навсегда. Она испуганно смотрела по сторонам, на пристани было шумно и тревожно. Женщины с детьми, с сумками на перевес, молодые мужчины, старики — все куда-то бежали, кого-то провожали. От этого потока людей у Алессии закружилась голова.

Яков поддерживал её под локоть и нёс небольшой чемоданчик. Загудел пароход, люди встрепнулись и побежали к трапу. Яков помог Алессии подняться на трап, поставил чемодан рядом с ней.

— Алессия, не переживай, — подбадривал он её. — Вот увидишь, всё будет хорошо. Дядя Франческо хороший человек. Он позаботится о тебе.

Она только молча кивала, не в силах вымолвить ни слова. Яков подошел и обнял её на прощание.

— Ну, пора. Береги себя.

Она устроилась поудобнее на скамье, поставила чемодан рядом. Яков помахал ей рукой, проводил взглядом удаляющийся пароход и, развернувшись, пошел прочь. Алессия осталась одна, и, наконец, дала волю слезам. Никто не обращал на неё внимания, каждый был занят своим. Вытерев слезы, она забрала волосы в тугий пучок и повязала голову платком, с убранными локонами было как-то спокойнее. Она выплакалась вдоволь, и на душе будто стало легче. Пароход мерно покачивался, двигаясь вперед, ветер обдувал лицо, и даже понравилось это новое ощущение движения и перемен.

Пароход уносил Алессию всё дальше от берега, от прошлой жизни, от всего, что она знала. Она сидела на скамье, прижав к груди чемоданчик, и смотрела, как тает в дымке родной городок. Сначала исчезли крыши домов, потом колокольня церкви, где они венчались, осталась только тонкая полоска земли на горизонте. А потом и она растаяла, растворившись в синеве.

Вокруг было море, бескрайнее, бесконечное, синее-синее, насколько хватало глаз. Оно дышало глубоко и спокойно, как огромный спящий зверь. Волны лениво набегали на борт, плескались, разбивались на тысячи брызг, сверкающих на солнце, заливающим палубу золотым светом. Вода искрилась, переливалась, играла бликами: то тёмно-синяя, почти чёрная в глубине, то изумрудно-зелёная у самого борта, то вся усыпанная алмазной россыпью там, где лучи падали под острым углом.

Алессия смотрела на эту бескрайнюю гладь, море убаюкивало ее. Чайки провожали пароход, кружа над мачтами, а потом отстали и вернулись к берегу.

Пароход пыхтел, выбрасывая в небо клубы белого дыма, которые тут же подхватывал ветер и рвал их в клочья. Винты мерно булькали, вспенивая воду за кормой, и этот пенный след тянулся далеко-далеко, теряясь в волнах.

Вокруг сновали люди: то матросы в синих робах, то пассажиры с узелками и чемоданами, женщины в платках, мужчины в кепках. Обычная жизнь, обычный день, обычный рейс. Но для Алессии всё было необычно. Впервые в жизни она была совсем одна, плыла так далеко, совершенно не зная, что ждёт её впереди. От этого было и страшно, и волнительно, и почему-то радостно. Она перевела взгляд на горизонт туда, где небо встречалось с морем в тонкой, едва различимой линии, и там, далеко-далеко, была Катания.

Ветер трепал платок на её голове, выбивал непослушные пряди золотистых волос. Она поправила его, улыбнулась чему-то своему и снова посмотрела вдаль. Где-то там, позади, остался Джованни. Он сейчас ехал в поезде, навстречу войне, но она знала: он вернётся. А пока — море, волны, солёный ветер и этот огромный мир, который открывался перед ней впервые.

Пароход дал протяжный гудок, и Алессия вздрогнула, очнувшись от своих мыслей. Впереди, разрастаясь с каждой минутой, приближалась Катания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.